

Елена Лопатина
Институт славяноведения РАН

Деятельность И.В. Гурко в Привислинском крае: суть административных преобразований в 1880—1890-х гг.

Генерал от кавалерии Иосиф Владимирович Ромейко-Гурко (1828—1901) был известен, прежде всего, как умелый военный стратег — как герой Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., под руководством которого был покорен Шипкинский перевал, что, наряду с удачным маневром под Плевной, позволило русской армии одержать победу в этой важнейшей для империи военной кампании.

Перед тем как занять пост генерал-губернатора Привислинского края, Гурко уже был испытан в роли главы местной администрации. С апреля 1879 по февраль 1880 гг. он являлся Санкт-Петербургским временным генерал-губернатором и помощником главнокомандующего войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа, затем с января 1882 по июнь 1883 гг. Гурко был одесским временным генерал-губернатором и командующим войсками Одесского военного округа. Находясь на этих постах, Гурко доказал, что является волевым, жестким, последовательным и исполнительным администратором, поэтому сможет справиться с таким непростым регионом, каким являлся Привислинский край. Его происхождение из дворянского рода Могилевской губернии в сочетании с искренней приверженностью православию и имперскому началу позволяет полагать, что у генерала были и личные претензии к «польскому элементу».

Уже после вступительной речи полководца в качестве вновь назначенного генерал-губернатора, польская общественность стала настороженно относиться к новому главе края. Один из свидетелей начала управления Гурко Привислинским краем французский консул Бойард, чьи рапорты зафиксированы в воспоминаниях Каролины Бейлин, вспоминал, что члены польской депутатации, которые пришли приветствовать И. Гурко, вышли недовольные

приемом, поскольку он говорил исключительно на русском, в то время как его предшественник использовал французский язык, а также они были недовольны тем, что Гурко не скрывал — для него не важно это назначение, и принял его только по указу царя¹.

Конкретные действия, усилившее раздраженность поляков по отношению к новому генерал-губернатору, не заставили себя долго ждать. Смена губернатора повлекла за собой перестановки в местной администрации. По свидетельству Бойарда, сразу уволили заместителя генерал-губернатора ген. Крюденера, отличавшегося своими либеральными взглядами, и шефа жандармов Кутайсова, и Бутурлина, которого обвиняли в чрезмерном ополячивании².

Неудивительно, таким образом, что в польских аристократических кругах множились отрицательные мнения о российском губернаторстве, подобные мнению И. Ориона. Как он пишет в своем памфлете против российских властей, в администрации края «царили бесправие и насилие», которые «достили апогея во время губернаторства Гурко»³. Автор памфлета объясняет консервативную политику имперского правительства тем, что больше нечего ожидать от Александра III, который был воспитан для военной карьеры, к тому же изучал законодательство под руководством «консерватора и полонофоба» К.П. Победоносцева.

Мнение французского консула по поводу начала губернаторства Гурко представляется более взвешенным и объективным. Бойард писал о впечатлениях, оставленных первыми шестью месяцами правления героя Плевны, в таком духе: по-прежнему торжествовала политика русификации образования, судов и почты, только в большей степени, чем это было при Альбединском. Действовал «черный кабинет», контролирующий частную корреспонденцию, началась высылка поляков во внутренние губернии Российской империи, официальная пресса безудержно хвалила деятельность Апухтина⁴.

Однако совсем другую, по сравнению с польской общественностью, точку зрения на деятельность И.В. Гурко и его подчиненных высказал его сын Владимир Иосифович, рассматривавший политику отца с точки зрения целостности Российской империи и соблюдения государственных интересов. «Край, видимо, успокоился, русский человек почувствовал себя не отщепенцем, едва в нем терпимым, а полноправным гражданином; свои нужды и потребности он получил возможность удовлетворять там столь же свободно

¹ K. BEYLIN: *Dni powszednie Warszawy w latach 1880—1900*. Warszawa 1967, s. 85.

² Ibidem, s. 122.

³ ORION (M. Offmański): *Charakterystyka rządu Alexandra III. w ziemiach polskich, 1881—1894*. Lwów 1895, s. 1.

⁴ Ibidem, s. 120.

и полномерно, как в центре России. Безусловный порядок царил в крае за все это время; для поддержания же его принимались исключительно меры, хотя и стойкие, но спокойные. Закономерность была лучшим фактором во всей деятельности администрации. Одним словом, с 1883 года русская политика в польском вопросе вступила в последний, — но самый трудный период ее окончательного разрешения: путем бесстрастного, но постоянного воздействия на польский народ в смысле искоренения в нем тех его особенностей, которые отделяют его от России, постепенно ввести его в русскую семью, — вот к чему она сводилась»⁵. Как видно, сын был единомышленником своего отца, поэтому приводил аргументы в пользу непопулярных, но необходимых административных мер, которые проводил в жизнь И.В. Гурко на посту генерал-губернатора.

Обратимся же к вопросу о том, как сам И.В. Гурко комментировал поставленные перед ним как перед начальником Привислинского края цели. «Цель, которую обозначили, пишет Гурко сразу по назначении, уничтожить обособленность Царства Польского и сблизить общественную жизнь его с общеимперской жизнью путем постепенного установления таких учреждений, которые бы в состоянии были обновить весь гражданский быт Царства Польского»⁶.

При этом, считал Гурко, нужно продолжать следовать жесткой политической линии: «Реформы 1860—70-х гг. повлияли [позитивно] — административный строй получил чисто русский характер, русский язык начинает получать подобающее ему значение языка государственного как в администрации, так и в учреждениях администрации. В правительственном смысле Польша перестала существовать как обособленная часть империи... Однако духовное обособление Польши не прекратилось... Польское общество и ныне чуждо России по духу»⁷.

Несмотря на упрочняющееся «духовное обособление» польских земель, что необходимо понимать как неприятие «реформ» предыдущего периода, касательно правительственной школы и администрации, по мнению генерал-губернатора, «последовательность действий должна быть усиlena. Колебаний быть не должно!.. Поляки должны знать, что вопрос об их политическом будущем разрешен бесповоротно, что они навсегда останутся русскими подданными». Что показательно, на полях документа стоят пометы Императора («конечно» и «да»), которому и была адресована записка Гурко⁸.

⁵ И.В. Гурко: *Очерки Привислянья*. Москва 1897, с. 16.

⁶ Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург (далее: РГИА), ф. 1274: Департамент общих дел министерства внутренних дел, 1811—1917, оп. 223, д. 243, л. 2.

⁷ Ibidem, л. 3.

⁸ Ibidem, л. 11.

Наконец, еще более определенно позиция нового генерал-губернатора звучит в середине документа: «Уступки и мягкость, не примиряя польского общества с Россией, т.к. нет таких уступок, которые бы могли быть признаны польскими руководящими слоями достаточными, лишь бесконечно отдаляли бы политическое перевоспитание Польши»⁹.

Если вспомнить о тех функциях, которые по долгу службы должны были исполнять губернаторы, то задачи Гурко как генерал-губернатора Привислинского края становятся более понятными. Как гласит циркуляр «О служебной деятельности и обязанностях губернаторов», «эта власть и это влияние суть доли общей власти и общего влияния правительства Вам [губернаторам] вверяемые для достижения общей правительственной цели». Далее в циркуляре уточнялось: «Превышение [полномочий] и бездействие одинаково вредны. Нужно строго соблюдать закон. Заботливо охраняя общие начала государственного единства... Вам, однако же, надлежит сохранять в виду, что единство не всегда означает единобразие»¹⁰. Суть этого документа, написанного в соответствии с основными идеями официальной документации эпохи Александра III касательно политики в регионах, сводилась к борьбе с сепаратизмом и призыву соблюдать общегосударственные интересы при условии принятия факта национального и сословного разнообразия Российской империи. На практике это должно было означать следование жесткому курсу, намеченному императором и высшей администрацией, однако с мягкой оговоркой обрамлять этот жесткий курс «европейскостью» в плане уважения интересов ключевых европейских народов.

Что касается И.В. Гурко, то он, как следует из отчетной документации его авторства, понимал свои задачи в регионе и был настроен следовать концепции управления национальными окраинами, составленной в центральных министерствах, максимально четко.

Действия имперских властей в Привислинском крае основывались на убежденности императора и его окружения в политической ненадежности польских землевладельцев. Недостаток реализма при оценке современной ситуации и ностальгия по королевскому прошлому — таковы особенности мышления польской шляхты, по мнению жандармерии¹¹. Об этом же говорил И.В. Гурко в одном из очередных отчетов о ситуации в Привислинском крае: «Непосредственных опасений по поводу рабочих и торгово-промышленной

---

⁹ Ibidem, л. 13.

¹⁰ В. Урусов: *Сборник циркуляров и распоряжений Министерства внутренних дел, относящихся до губернаторов, вице-губернаторов, советников губернских правлений, канцелярии губернаторов, губернских типографий, строительных и врачебных отделений, а также до городских и земских учреждений с 1858 по 1896 гг.* Москва 1896, с. 13—15.

¹¹ S. WIECH: *Społeczeństwo Królestwa Polskiego w oczach carskiej policji politycznej (1866—1896)*. Kielce 2002, s. 91.

буржуазии нет... Это из-за экономической зависимости от России... Сбыт польских товаров [в Россию] для них важен... Если бы были только эти социальные группы, они бы мирно жили в империи, не теряя этнографических особенностей и польского своеобразия,... но еще есть шляхта, духовенство и интеллигенция, которых и нужно опасаться»¹². На наш взгляд, такое принципиальное разделение на «положительные» и «отрицательные» социальные группы, во многом определившее дальнейшую социально-экономическую политику правительства в Привислинском крае, стало предпосылкой низкой ее эффективности.

Многие высшие сановники империи придерживались радикального мнения об умонастроениях польской шляхты. Этот взгляд отразил в своих мемуарах И.В. Гурко, сына генерал-губернатора И.В. Гурко: «Польские шляхтичи ненавидят всякую власть, ограничивающую их права»¹³. Поэтому «нет тех уступок, которые удовлетворили бы польскую шляхту... Очевидно, что при таком положении дел единственное правильное отношение к шляхте это не-преклонное требование от ее представителей исполнения всех распоряжений правительства»¹⁴. Однако далеко не все были едины в оценке современного состояния польской шляхты. Например, обер-полицмейстер Варшавы Бутурлин высказал мнение, если не противоположное мнению И.В. Гурко, то, по крайней мере, более компромиссное: «Достижение независимости — правительственные меры разуверили большинство здравомыслящих людей в возможности достижения этой почти вековой мечты. Национальный вопрос стремится к сохранению народной литературы, языка, изящных искусств и вообще сосредоточиться в сфере умственного развития»¹⁵. Более того, по мысли Бутурлина, польское дворянство можно привлечь на сторону правительства, а именно нужно «привлечь дворянство к работе: установить почетные должности предводителей дворянства, почетных и мировых судей, руководствуясь не выборным началом, а по выбору Главного начальника края. Это бы сблизило местное дворянство с администрацией... многие, надеясь на получение чина, ордена или придворной должности окончательно переродились бы и стали бы на сторону правительства»¹⁶.

В этом контексте интересна точка зрения кн. Имеретинского, высказанная вслед за мнением Бутурлина. «Как в средних, так и в высших слоях польского общества сохраняется и в настоящее время полная национальная и культурная обособленность, полное отсутствие внутренней связи с русской об-

¹² РГИА, ф. 1274: Департамент общих дел министерства внутренних дел, 1811—1917, оп. 223, д. 243, л. 6—8.

¹³ И.В. Гурко: *Очерки Привислянья...*, с. 23.

¹⁴ Ibidem, c. 28.

¹⁵ РГИА, ф. 1270. Комитет по делам Царства Польского, 1864—1881, оп. 1, д. 1474, л. 3.

¹⁶ Ibidem, л. 12.

щественной жизнью в крае и за его пределами и... весьма недружелюбное и недоверчивое отношение к русскому правительству, которое польское общество, опираясь на некоторые данные его недавнего прошлого, подозревает в стремлении обрушить Польшу. Замечаются... признаки нового течения — не восставать против русской власти, не вооружать против нее других, а напротив, жить с ней в мире и согласии, и если и предоставлять отпор, то лишь в случае вторжения правительства в область римско-католической веры, польского языка и польской национальности. Элементы, отличавшиеся прежде нетерпимостью, теперь смягчили свой резкий тон. Я далек от мысли признавать за ним большую силу. Заглохнет или превратится в широкий поток — никто с уверенностью сказать не может». По мнению Имеретинского, правильный путь развития межнациональных и межсословных отношений состоит в том, чтобы «продолжить объединение польской окраины с центром на началах русской государственности... посредством медленного, осторожного устранения из системы управления краем тех исключительных положений, которыми.. только поддерживается обособление края, и замены этих положений общегосударственными законами и учреждениями»¹⁷.

По мнению правительства, жесткая политика по отношению к политически ненадежным социальным группам и благоволение к потенциально надежным — залог прочности власти и единства империи. В частности, по мысли высших государственных управленцев, сохранение сервитутного права (публичного и частного) должно было упорядочить взаимоотношения смежных землепользователей, к примеру, помещиков и крестьян, помещиков и государства, что стабилизировало экономические и социальные отношения в регионе.

Сервитуты, по определению российского законодательства конца XIX века — это «ограничения собственности, сообщающие лицам, в пользу которых они установлены, самостоятельные вещные права пользования (так наз. “права в чужой вещи”) чужим недвижимым имуществом в точно определенном размере»¹⁸.

В силу сервитутного законодательства Царства Польского собственник обремененного сервитутом имения «не вправе делать ничего такого, что уменьшало бы возможность пользоваться сервитутом или делало пользование менее удобным»¹⁹. Например, помещик, пользуясь пастищем совместно с крестьянами, был обязан принимать во внимание кормовой потенциал

¹⁷ РГИА, ф. 1282. Канцелярия министра внутренних дел, 1802—1917, оп. 3, д. 239, л. 144—145.

¹⁸ Свод Законов Российской Империи. В пяти книгах. Кн. 2, Т. 5. Санкт-Петербург 1912, с. 450—455.

¹⁹ Ibidem, с. 455.

пастища, «дабы неумеренным и несоответственным пригоном скота не лишать и не уменьшать способов содержания для скота крестьян»²⁰.

Очередной всплеск недовольства сервитутами произошел в 1880—1890-е гг. в связи с тем, что помещики не хотели соглашаться с ограничением своих прав на объекты недвижимости. По этому поводу не прекращались ходатайства помещиков перед правительством о прекращении сервитутных отношений: «выпасаемый во множестве крестьянский скот вместе с овцами и свиньями так вытравляет и выбивает траву, что для помещичьего скота ничего-де уже не остается»²¹.

В правительственные кругах, как и среди отдельных чиновников, не переставали споры на тему сохранения или отмены сервитутов. Например, П.П. Альбединский, предшествовавший Гурко на посту генерал-губернатора, указывал, что, несмотря на затруднительность сервитутов для помещиков, их нужно сохранить, так как это помогает сберечь лес (пользуясь на правах сервитутов помещичьими пастищами, крестьяне не проводили выпас скота в лесном молодняке, который легко стубить в случае спонтанного выпаса)²². Бутурлин, напротив, считал, что не обходимо «раз и навсегда покончить с отяготительным для землевладельцев вопросом о сервитутах», поскольку отмена сервитутов повысила бы экономическую свободу помещиков и зарождающегося слоя зажиточных крестьян²³. В таком же духе были составлены многочисленные записки и жалобы от местных землевладельцев, поступающие в канцелярию генерал-губернатора в 1881—1883 гг.: «Сервитуты в ныне существующем виде надо уничтожить, т.к. они тормозят экономическое развитие края. Лесные хозяйства, обремененные сервитутами, развиваются недостаточно, потому что владельцы не хотят тратиться на улучшения, коих плодами вынуждены делиться с другими»²⁴. Одним из их аргументов в пользу отмены сервитутов был и такой: «различие права собственности и пользования доступно для понимания только образованного человека»²⁵, — то есть сводился к юридической двусмысленности закона как такового.

Особенно острые споры вызывали лесные и пастищные сервитуты: «Сервитуты на полях и лугах — истинный бич для хозяйства, обращая в ничто даже самые ограниченные стремления к улучшению луговодства и земледелия. Вследствие отсутствия полевых и полицейских уставов и надзира-

²⁰ А. Гусаков: *К вопросу о теории сервитутного права*. „Журнал гражданского и уголовного права“ 1884, № 8—9, с. 12—16.

²¹ Ibidem.

²² РГИА, ф. 1561: Игнатьев Николай Павлович 1832—1908, оп. 1, д. 25, л. 2—3.

²³ РГИА, ф. 1270: Комитет по делам Царства Польского, 1864—1881, оп. 1, д. 1484, л. 13.

²⁴ Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург. Отдел рукописей. Фонд 16: Альбединский П. П. (далее: РНБ ОР), оп. 1, д. 65, л. 5.

²⁵ Ibidem, л. 6.

телей или сторожей сервитуты служат неиссякаемым источником злоупотреблений, кражи, непослушаний и огромного количества жалоб, исчерпывающих все силы гминного судопроизводства... это неблагоприятно отражается на самих крестьянах, т.к. они не приучаются к сбережению топлива, древесного материала, к лучшему порядку в приусадебном хозяйстве, к посеву кормовых трав»²⁶.

По решению Альбединского, принявшего во внимание рекомендации гминной администрации, «для определения денежной стоимости отдельных сервитутов, для установления вычетов созданы общие технические указания особым, по назначению варшавского генерал-губернатора, Комитетом, состоящим из председателя, двух членов присутствия по крестьянским делам, трех владельцев поземельных имений, одного юриста и одного лесного техника»²⁷.

Напротив, Гурко считал отмену сервитутов преждевременной и дестабилизирующей мерой: в первую очередь их отмена ударила бы по мелким и средним крестьянским хозяйствам, из которых планировалось в будущем создать, если не социальную опору российской власти, то, по крайней мере, нейтральное сословие²⁸. «Всюду и всегда, писал Гурко, — крестьянство представляет собой инертную массу, важную как материал, но не имеющую никакого значения как самостоятельный активный политический фактор... Максимум, что можно ожидать — это нейтралитет крестьян»²⁹.

В конечном счете, сервитутная политика времен Гурко сводилась к тому, чтобы примирить позиции польского крестьянства с правительственною политикой. О важности целенаправленных мер по отношению к польскому крестьянству говорил еще Кн. Имеретинский: «Непримиримая часть польской интеллигенции принимает все усилия, чтобы привить крестьянству чуждый ему доселе польский патриотизм, пробудить народное самосознание, внушиТЬ противоправительственные стремления и надежды на возвращение независимости... отдельные случаи не дают еще основания утверждать, что политическая пропаганда среди крестьян приняла характер массового движения. Но, без сомнения, она может превратиться в грозную силу, если правительство будет продолжать вести борьбу с нею одними полицейскими и карательными мерами, а не позаботится об устраниении тех неблагоприятных условий, которые подготавливают саму почву пропаганды»³⁰.

Подобное мнение высших администраторов подтверждали и простые служащие русского происхождения в Привислинском крае. Что же каса-

²⁶ Ibidem, л. 506—6.

²⁷ РНБ ОР, ф. 16, оп. 1, д. 67, л. 1.

²⁸ РГИА, ф. 1274: Департамент общих дел министерства внутренних дел, 1811—1917, оп. 223, д. 243, л. 29—30.

²⁹ Ibidem, л. 5.

³⁰ РГИА, ф. 1282: Канцелярия министра внутренних дел, 1802—1917, оп. 3, д. 239, л. 144.

ется вопроса результативности крестьянской политики в крае, то часто, как и в этом случае, она подвергалась сомнению. Этому есть несколько объяснений. Во-первых, после крестьянской реформы 1864 года³¹ не произошло быстрой перестройки аграрного сектора на капиталистический лад, следовательно, не происходило ощутимого роста благосостояние крестьян, что могло влиять на их отношение к власти. Во-вторых, в том, что касалось сервитутных прав, то зажиточные крестьяне, наряду с помещиками, считали их для себя обременительными, следовательно, были недовольны сохранением сервитутов.

Таким образом, основной целью социально-экономической политики в 1880—1890-х гг. было упрочение власти российского правительства в Привислинском крае. Однако ее результаты в большинстве случаев не соответствовали первоначальным задумкам: упрочились антирусские позиции помещиков и шляхты, успехи крестьянских хозяйств были ниже ожидаемых и гораздо скромнее успехов сельского хозяйства, к примеру, Великого княжества Познанского.

Еще одно направление деятельности, которое должно было одним из показательных в плане успехов русского управления Привислинским краем — это политика в области культуры. Строительство театров, мирная пропаганда достижений русской культуры: художественные выставки, увеличение тиража произведений русской литературы должны были создать позитивный образ России среди жителей Царства Польского.

Однако, как свидетельствует Гурко, на «внешнюю сторону» у правительства никогда не хватало средств. «За 60 лет полного владычества над бывшей столицей польского государства мы не воздвигли ни одного памятника русского искусства, достойного его величия, ни одним наружным знаком не увековечили нашего господства... Это внешняя сторона, но она свидетельствует о бессилии русской жизни наложить свой отпечаток на чуждый по происхождению город»³². Отдельно Гурко выделяет вопрос о строительстве русского театра: «Интеллектуальные потребности русского общества в пренебрежении. Ничего не жертвует правительство на устройство русского театра. Он не может так существовать, в особенности рядом с польским театром, поддерживаемым 400 000 жителей и получающим ежегодную казенную субсидию. К сожалению, и эта субсидия должна быть прекращена с 1891 года, хотя она играла весьма серьезную роль... субсидия выдавалась с 1852 года в размере не менее 60 000 рублей, и отнюдь не должна прекращаться»³³.

³¹ Подробнее см. И.И. Костюшко: *Крестьянская реформа 1864 г. в Царстве Польском*. Москва 1962.

³² РГИА, ф. 1604: Делянов Иван Давыдович, 1818—1897, оп. 1, д. 185, л. 16.

³³ Ibidem, л. 22—23.

В данном случае, в силах Гурко было ходатайствовать о сохранении субсидии «для удержания в правительственные руках сценических представлений, играющих несомненную роль в деле народного воспитания», что и делает генерал-губернатор в записке на имя императора о состоянии Привислинского края³⁴.

В той же записке «О современном общественном состоянии края, о медленных темпах русификации поляков и особых задачах воспитания польских юношей», написанной в феврале 1890 года, варшавский генерал-губернатор подвел предварительные итоги русского управления Привислинским краем.

«Ожидая утверждения в законодательном порядке получивших предварительную санкцию Вашего Императорского Величества намеченных мною мер к полнейшему слиянию вверенного мне края с центром Империи, я в течение 5 лет не представлял записок об общем состоянии его, дабы потом иметь возможность предложить и новые меры в развитие уже утвержденных. Ныне же, ввиду того, что разрешение возбужденных мною вопросов замедлилось, я считаю своим долгом всеподданнейше донести Вашему Императорскому Величеству о современном состоянии края»³⁵. Так начинается записка Гурко, и примечательно, что поводом ее написания являлось желание не столько выдержать сроки предоставления подобных записок в Центр, сколько продвинуть решение обозначенных еще ранее проблем.

Во введении Гурко утверждал, что «как в коренных общественных вопросах, так и в мелочах обыденной жизни русское народное дело в Царстве Польском сохранило лишь то положение, которое было ему завоевано предшествующими реформами... В настоящее время, как и пять лет назад край если и не является безусловно благонадежным, то во всяком случае не находится в не-нормальном брожении и несомненно держит себя спокойно и тихо»³⁶. Находящимся во главе края чиновникам бросается в глаза тот факт, что «нелюбовь ко всему русскому продолжает быть столь же всеобщею... В особенность ярко она проявляется в самоустраниении поляков от всего русского. Польское общество продолжает чуждаться русского... В особенности русские офицеры обречены на безучастное присутствие, встречая холодный прием со стороны лиц польского происхождения, в особенности же от женщин, продолжающих стоять во главе местного общества»³⁷.

К основным причинам неуспехов социально-экономической и культурной политики в регионе Гурко относил недостаточность финансирования: «Положение русского общества в крае не блестящее из-за нежелания [централь-

³⁴ Ibidem, д. 272, л. 26.

³⁵ Ibidem, л. 1.

³⁶ Ibidem, л. 2.

³⁷ Ibidem, л. 206.

ного правительства] делать денежные затраты. Общество... бедное материальными средствами — только чиновники и офицерский корпус... живут на получаемое от казны жалование»³⁸.

С точки зрения Петербурга рассматриваемая через призму государственных интересов империи жесткая политика российской администрации в регионах была необходима. Она была направлена на развитие основ русской государственности во имя слияния окраин с коренной Россией и укрепления государственного единства. Однако, как видим, важность социально-культурной политики часто недооценивалась, следовательно, не выделялось достаточное финансирование, а в осуществлении экономических задумок были перекосы из-за предвзятого отношения к разным сословиям Царства Польского.

В то же время самого Гурко не раз обвиняли в чрезмерном упорстве в деле насаждения русского начала, недальновидности его методов решения национального вопроса и слишком прямолинейном восприятии установок центрального правительства. Что интересно, эти обвинения озвучивали русские служащие в Привислинском крае.

В частности, президент Варшавы в 1875—1892 гг. С. Старынкевич оставил такую запись в своем дневнике «Попробовал заговорить с ним [И.В. Гурко] об отношениях русских к полякам и сказал ему, между прочим, что в деле сближения с нами поляков много вредят иногда неумелость, бесстолковость, излишнее усердие мелких чиновников при исполнении правительственных распоряжений, насчет употребления государственного языка, например. Он отвечал, что вредно не излишнее усердие, а вреден, напротив, недостаток патриотического чувства в русских, и пояснил это примером: на пограничной черте с Пруссией шел прусский чиновник с русским; прусак не говорил по-русски, а русский — по-немецки, и разговаривали они на польском языке, который оба знали; но дойдя до середины моста, прусак вдруг заговорил по-немецки, и русский, перестав его понимать, спросил — что значит эта внезапная перемена? — Тот отвечал торжественно: “Hier ist das deutsche Reich.” — По-моему — это тупоумие немца, а, по мнению Гурко, так должны бы поступать все русские, не только служащие, но и не служащие. Тут вмешался в разговор его сын и рассказал, что когда он входит в магазин и там обращаются к нему с польской фразой, то он немедленно поворачивается и уходит. Во всем этом я не вижу даже и попытки рассуждать. Что нельзя изменить национальность силою, обратить поляков в русских — никто против этого не спорит. О том, что если национальность признается, то это значит, что требуется некоторое уважение к ней, — никто не думает. Никто не думает и о значении государственного языка, о том, где и почему он должен употре-

³⁸ Ibidem, л. 23.

бляться, — может и должен требоваться. Действуют просто по предвзятой и необдуманной мысли, как слепые силы. Страшно быть во власти зверя, но еще гораздо страшнее во власти слепых сил. Понимают это смутно те, которые так действуют, и именно потому и не верят в возможность сближения с нами поляков; но о том, что причина в них находится, — не дают себе отчета, а поступиться своими предвзятыми мыслями не хотят»³⁹.

Итак, изучение общих и частных инструментов и методов воплощения в жизнь концепции слияния центральных губерний и Привислинского края позволяет говорить об ошибках, допущенных на всех уровнях реализации программы реформ в ее социально-экономическом и культурном разделах. В частности, была явно не продумана экономическая политика в отношении польских помещиков — издавна сложившаяся система получения прибыли помещиками за счет сельхоздеятельности была разрушена, а новой эффективной системы создано не было, в связи с чем увеличилась вероятность возникновения очага социальной нестабильности именно в среде крупных и средних землевладельцев. Более того, отмечались недостатки в политике правительства в области культуры — большинство промахов было связано с давней для империи Романовых проблемой неэффективного финансирования ключевых проектов и нецелевого расходования средств.

Основательно познакомившись с положением в сфере управления Царством Польским, И.В. Гурко пришел к выводу, что одними административными мерами урегулировать ситуацию в крае не представлялось возможным, поскольку «искоренить ненависть в современном польском обществе мы не сможем». Но все же он не терял надежды изменить положение к лучшему путем искоренения ненависти «в нарождающихся поколениях»⁴⁰.

³⁹ С.А. Старынкевич: *Дневники. Запись от 28-го августа 1896г.* (рукопись из личного архива Халезовой Е.).

⁴⁰ РГИА, ф. 1604: Делянов Иван Давыдович, 1818—1897, оп. 1, д. 272, л. 406.

Elena Łopatina

Iosif W. Gurko's Activity in the Vistula Land The Nature of Administrative Transformations in 1880—1890

Summary

The article focuses on the administrative reforms in the Kingdom of Poland (the Vistula land) in 1880—1890 as well as Iosif Gurko's (Governor-General of Warsaw) role in introducing social, economic and cultural changes on Polish lands. The Author conducts the analyses of Russian authorities'

enterprises from the perspective of Imperial Russia interests, and makes an attempt at analyzing experiments conducted by Russian administrators who aimed at converting the Polish into Russian subjects without erasing their national identity, and drawing from Polish cultural achievements with no intention of destroying them. The article contains a complex analysis of archival sources, most of which have been for the first time introduced into scholarly circulation. They will certainly contribute to broader understanding of governing the Vistula land in 1880—1890.

Elena Łopatina

Działalność Josifa W. Hurki w Kraju Nadwiślańskim: istota przekształceń administracyjnych w latach 1880—1890

Streszczenie

Artykuł poświęcony jest reformom administracyjnym w Królestwie Polskim (Kraj Nadwiślański) w latach 1880—1890 oraz roli Josifa W. Hurki, generała-gubernatora warszawskiego, w inicjowaniu przemian społeczno-ekonomicznych i kulturalnych na ziemiach polskich w omawianym okresie. Autorka analizuje przedsięwzięcia władz rosyjskich z punktu widzenia interesów imperium rosyjskiego oraz próbuje przeanalizować eksperymenty administratorów rosyjskich, których zadaniem było uczynienie z Polaków wiernych poddanych Rosji, nie zmieniając przy tym ich samoświadomości narodowej; korzystanie z osiągnięć polskiej kultury, nie niszcząc jej przy tym. W pracy kompleksowo analizuje się źródła archiwalne, z których wiele po raz pierwszy jest wprowadzanych przez autorkę do obiegu naukowego. Pozwalają one uzyskać pełniejszą wiedzę o zarządzaniu Krajem Nadwiślańskim w latach 1880—1890.